

О КОМПОЗИЦИИ „ПУТЕШЕСТВИЯ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ“ А. Н. РАДИЩЕВА

Г. П. Макогоненко

1

Пушкин был первым, нарушившим заговор молчания о запрещенном писателе-революционере — Ал. Ник. Радищеве. Начиная с 1815 г., молодой поэт с нескрываемым восхищением вносит имя Радищева в свои стихи («Бова», «Послание к цензору»), в дальнейшем требует от Бестужева сохранения памяти Радищева, связывает свое творчество с творчеством автора «Путешествия из Петербурга в Москву», воспевшего свободу (вариант 4-й строфы: «Я памятник себе воздвиг нерукотворный»). В последние годы своей жизни Пушкин продолжает заниматься Радищевым, изучает его, собирает материалы о нем и, наконец, в 1833—1835 гг. начинает «Путешествие из Москвы в Петербург», а в 1836 г. пишет биографическую статью «Александр Радищев». Последние работы зрелого поэта наиболее полно осветили вопрос о запрещенном авторе знаменитого «Путешествия», дав оценку как идейных позиций, так и литературно-художественной значимости его прозы и стихов. Попытка Пушкина заговорить вслух о Радищеве не увенчалась успехом. Ни «Путешествие из Москвы в Петербург», ни «Александр Радищев» не были напечатаны при жизни поэта.

Систематическое изучение Радищева началось лишь с революции 1905—1907 гг., когда был, наконец, снят запрет с писателя-революционера.

Это был период либерально-буржуазной интерпретации, причисления, «приятия» Радищева в лоно русского либерализма.

Милюков, провозглашая Радищева предтечей российского либерализма, причислил его к лику советников императрицы слева, а «Путешествие» считал обращенным не к общественному мнению, а к «философу на престоле». Для Павлова-Сильванского Радищев — воспитанник екатерининского «Наказа», а «преступление» Радищева — в несвоевременном напоминании о тех же идеях, которые высказала на 24 года раньше Радищева сама императрица в «Наказе». Так постепенно затемнялось понимание революционного содержания «Путешествия», а облик самого писателя-борца, теряя свои демократические, антикрепостнические черты, выступал в либеральных одеждах, в одном ряду с Новиковым. Радищева изображали «одиноким», вне всякого реального социального окружения, оторванного от русской действительности. Такова в основном оценка у всех исследователей второго периода изучения Радищева.

К сожалению, и в советском литературоведении продолжают еще звучать ноты недооценки наследства Радищева.

Характерной особенностью большинства новых работ, посвященных «Путешествию», является установление в «Путешествии из Петербурга в Москву» двух противоречивых тенденций: Радищев против крепостного права, самодержавия, против всего феодально-крепостнического уклада, он — за крестьянское восстание как единственный метод достижения вольности. Это утверждение исследователи естественно подкрепляют ссылками на соответствующие главы и страницы «Путешествия» и приходят к выводу о революционности Радищева. Но так как «движущие силы революции — народ — дремал в тяжелом сне рабства» (Семенников), то поэтому «ненавистник рабства», раздираемый противоречиями, бросается к правительству с предложением сотрудничества, пишет проекты, соглашаясь на царские милости в настоящем и лишь мечтает о революции в будущем. И это второе утверждение также подкрепляется цитатами и соответствующими главами «Путешествия», из которых делается вывод: Радищев — либерал, тем более, что в конце своей жизни он встал на путь открытого сотрудничества с правительством.

В. П. Семенников пишет: «Подводя некоторые итоги всему нами сказанному, мы отметим, прежде всего, в личности Радищева раздвоенность, которая более всего проявляется как в отношении к путям осуществления его политического идеала, так и к революции вообще». «Потому в лице Радищева сочетаются черты и революционера и либерала, готового содействовать власти в осуществлении реформ; эта последняя сторона особенно важна для понимания позднейшего настроения Радищева во время деятельности его по возвращении из ссылки» (В. П. Семенников. Радищев. Очерки и исследования. 1923, стр. 81).

Этот вывод новейшего исследователя оказался роковым для судьбы последующих научных работ о Радищеве.

Вопрос о «противоречиях» радищевского «Путешествия», о двух якобы несогласованных тенденциях в нем может быть, как мне кажется, уяснен конкретным анализом идейного построения самой книги.

Вопрос о литературных достоинствах и композиционном строе «Путешествия» привлекал внимание исследователей в недостаточной степени.

Еще Пушкин в «Путешествии из Москвы в Петербург» отметил, что «Радищев написал несколько отрывков, дав каждому в заглавии название одной из станций, находящихся по дороге из Петербурга в Москву. В них излил он свои мысли без всякой связи и порядка».

Признание самого Радищева, что примером ему служили произведения Рейналя и Стерна, казалось, исчерпывало вопрос о композиции «Путешествия». «Путешествие» Радищева причисляли к типу так наз. сентиментальных путешествий, родоначальником

которых был Стерн. По сложившейся вскоре прочной традиции самый жапровый тип «Путешествия» характеризовался как ряд очерков, ничем кроме путешествующего лица не связанных между собою, наполненных размышлениями и впечатлениями автора по поводу виденного и пережитого, включающих теоретические рассуждения автора, механически прикрепленные к случайным событиям и к случайным географическим точкам.

Многие старые ученые — Галахов, Сухомлинов, Павлов-Сильванский и др., сблизив «Путешествие» Радищева с «Сентиментальным путешествием» Стерна, единодушно признали наличие сходства обеих книг, признали, что даже отклонения Радищева от жапровой схемы Стерна не выходят за пределы «законов» жанра сентиментальных путешествий. Новейшие исследователи, Семенников и Скафтымов, целиком согласны с прежними утверждениями. Для Скафтымова все «Путешествия», в том числе и радищевское, «сближает форма совершенной свободы и несвязанности в наполнении очередного текста и некоторые повторяющиеся мотивы». «Путешествие» Стерна Радищеву послужило лишь образцом формы свободного несвязанного изложения. И, наконец, цель книги, по Скафтымову, определяется так: «Основополагающим и определяющим началом в формировании этого произведения было вовсе не желание рассказать о действительных впечатлениях автора за известный промежуток времени, а желание теоретически высказаться по некоторым принципиальным вопросам» (Скафтымов. О реализме и сентиментализме «Путешествия» Радищева. Записки Саратовского унив., 1929).

Такой принцип рассмотрения «Путешествия» как ряда самостоятельных очерков, не связанных между собою ни композиционно, ни идейно, привел исследователей к необходимости истолковывать содержание каждой главы самостоятельно, вне связи с книгой в целом. Отступлением от общей традиции являются лишь попутные замечания Г. А. Гукковского, утверждающие, что «Путешествие» не есть сборник очерков, а представляет собой единый «страстный монолог, проповедь».

Таковы в основном мнения исследователей радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву» по вопросам идейным и композиционным. Мнения эти противоречивы и не дают определенного ответа об истинном облике Радищева.

Характерной особенностью для большинства работ о Радищеве и его «Путешествии» является методологически-порочный отрыв изучения содержания от формы радищевского «Путешествия». Анализ содержания и идеологическое осмысление «Путешествия» производилось исследователями с различных идейных позиций, но у всех вопрос о композиции решался в духе формалистического литературоведения. Нормы и законы жанра «Сентиментальных путешествий» стерновского типа, в разряд которых было зачислено и «Путешествие из Петербурга в Москву», никто из исследователей не решался нарушить и преступить. Пренебрежение к осо-

бенностям формы данного произведения привело к порочному кругу, в котором замкнулись исследователи в поисках аргументов для объяснения мнимых противоречий, обнаруженных ими в книге.

2

Радищев жил в эпоху, когда активность передового революционного класса «пролетариев феодализма» угрожала существованию крепостнических отношений в России. Запад жил тревожной жизнью — назревал 1789 год. На далеком материке шла одна из первых «действительно освободительных, действительно революционных войн, которых было так немного среди громадной массы грабительских войн, вызванных, подобно теперешней империалистической войне, дракой между королями, помещиками, капиталистами из-за дележа захваченных земель или награбленных прибылей. Это была война американского народа против разбойников англичан, угнетавших и державших в колониальном рабстве Америку. . .» (Ленин, т. XXIII, изд. 3-е. Письмо к американским рабочим).

Для многих современников было совершенно очевидным, на чьей стороне историческая правда, историческое будущее и прогресс, и кто обречен историей, лишен будущего. Симпатии Радищева к американской освободительной войне чрезвычайно характерны для его политических взглядов. Он видел силу и волю к свободе самого народа, он видел, как широкие народные массы Америки с оружием в руках отстаивали свою свободу от угнетателей-англичан и добились блестящей победы, — это не могло не воодушевлять Радищева.

В американской революции Радищева увлекали факт участия всего народа в борьбе за национальную независимость и успешный исход этой народной борьбы. Того, что произошло в Соединенных Штатах после победы, он не мог еще предвидеть.

Кроме того, необходимо помнить, что, говоря о политическом устройстве в Америке, Радищев имеет в виду прежде всего штат Пенсильванию, отличный от всех остальных, входивших в Соединенные Штаты Америки. Пенсильвания была населена свободными фермерами, не знавшими помещичьего гнета и рабства; в ней в это время господствовали буржуазно-демократические отношения, окрашенные в известной мере патриархальностью трудового фермерства.

Радищев был свидетелем мужественного движения за свободу огромных масс трудящихся: крестьянства, фабричных рабочих и угнетенных народностей царской России, — движения против крепостничества, против помещиков, против произвола и насилия, но за «хорошего», «мужицкого», царя. Для Радищева были очевидны утопичность и несостоятельность надежд на самодержавие, каким бы оно просвещенным или же «мужицким» ни было. Еще задолго до написания «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищеву было

совершенно ясно, что «самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние». Признавая историческое будущее за трудящимися классами России, восхищаясь неиссякаемой творческой силой народа, Радищев понимал необходимость подлинно революционной идеологии, соответствующей этой мужественной борьбе за свои права, идеологии, которая могла бы сплотить и народные массы и передовую интеллигенцию, уразумевшую права угнетенных.

Отвергнув царистский лозунг крестьянского движения, Радищев становился тем самым перед проблемой идеологического обоснования права на революцию, на восстание, на захват власти угнетенными. Он призывал к созданию в обществе отношений свободы, основанных на собственности тружеников. Разрешая эту проблему, Радищев впервые сделал попытку сформулировать идеологию крестьянской борьбы, отстаивая исторически оправданное право народа на борьбу с угнетателями. Этой проблеме и посвящено «Путешествие из Петербурга в Москву».

3

В последнюю треть XVIII в. гегемонии дворянской литературы сумароковской школы русского классицизма пришел конец. Третьесловная литература стала очевидным фактом, не считаться с которым было нельзя. Больше того, силы, вызывавшие к жизни эту новую литературу, влияли и на писателей классицизма.

Одним из новых качеств литературы последнего тридцатилетия XVIII в. признается исследователями интерес к личности, к конкретному человеку, к его индивидуальному, психологическому миру; под этим знаком рассматривается творчество и Державина, и Радищева, и Карамзина, и их непосредственных предшественников и учителей — Руссо и Гёте.

В семидесятые годы, тогда же, когда развернулось творчество Державина, приходит в литературу Радищев — демократ по убеждению, материалист по основам миросозерцания. Перед Радищевым стояла практическая задача: открыть глаза на действительность, освободиться от предвзятых дворянских, искажающих ее облик, толкований, научить «прямо» смотреть на социальную действительность лучшую часть современников, отстаивать право борьбы угнетенных с угнетателями. Практическая жизненная необходимость толкала внимание писателя к насущным вопросам действительности, к ее противоречиям. Понятно, почему Радищев обращается к наиболее близкой ему теме — теме человека в буржуазной литературе Запада и к тем формам, в которых удобнее всего реализовать свои замыслы. Интерес к человеку у Радищева глубоко и принципиально отличен от принципов Державина. Авторское мировоззрение, а не жанровые традиции формировали и выбор темы, и ее разработку, и стиль произведения.

Радищев хотел создать образ нового человека, полного сил и веры в высокие идеалы борьбы за волюность угнетенного народа, человека-бойца. Этим и объясняется необходимость таких произведений, как «Житие Ушакова», с его героем — человеком будущего, преданным идеалам волюности. Это же задание сказалось и в «Путешествии», книге, в которой перед глазами читателя проходит идейное и моральное обновление героя, человека, честного умом и сердцем. Это обновление становится особенно убедительным благодаря авторскому методу погружения читателя в «тайное тайных» героя. Но это «тайное тайных» — новая совесть прозревшего человека, новая мораль и новые политические убеждения человека, отказавшегося от заблуждений и мужественно ставшего на путь борьбы за счастье угнетенных.

При анализе «Путешествия» Радищева необходимо преодолеть традицию чисто внешнего сличения и установления сходства общих приемов и сюжетов, свойственных книге Радищева и другим, «сентиментальным», «Путешествиям». Это сходство становилось как бы самодовлеющей величиной; исследователи забывали о главном — о мировоззрении автора, подчиняясь которому и организовывался материал «Путешествия». Простое совпадение сходных приемов не может служить доказательством тождества композиционных принципов.

Слова Карамзина в послесловии к его «Письмам русского путешественника» раскрывают идейный замысел путешествий стерновского покроя.

«Вот зеркало души моей в течение осьмнадцати месяцев, — взгляну и увижу каков я был, как думал и мечтал, а что человеку (между нами будь сказано) занимательнее самого себя?»

Созерцание движений своей души, чувствительной к воздействию внешнего мира, рассмотрение души, а не действительности, «самодовольное спокойствие человека, не думающего о счастье других» (Добролюбов), вот что привлекает внимание Карамзина. Карамзину, а отчасти и Стерну, свойственно стремление смазать, затушевать все противоречивые стороны действительности, свести ее до роли возбудителя чувствительной души путешественника. Вот такую действительность — механический возбудитель чудесных переживаний, снов и видений взволнованного ума приемлют эти авторы, и, вводя ее в произведение, как бы опускают декорации, замыкающие внутренний и дорогой мир, в котором «страждет» душа путешественника. Для них первичным и исконным в мире является независимый человек, его внутренний мир и любовно оберегаемое «тайное тайных души».

Радищевское «Путешествие» не стоит в ряду путешествий такого типа.

Отступлением от общей традиции является не развернутый, но правильный тезис Г. А. Гуковского: «От Стерна и традиции, связанной с ним, Радищев взял ряд технических приемов связывания кусков произведения: мы встретим у него и найденную

рукопись, и рассказ встреченного в путешествии человека, и экскурсии в воспоминания самого путешественника в качестве методов включения в книгу ее составных частей. Но механизм использован Радищевым вовсе не по-стерновски и с другими целями».

Вопрос композиции «Путешествия» Радищева мне кажется существенным в дискуссии о мировоззрении и политических взглядах Радищева. Традиция рассмотрения радищевского «Путешествия» как обычного «сентиментального путешествия» приводила к порочному методу рассмотрения произведения как ряда самостоятельных очерков. Исследователи непринужденно тасовали главы по своему усмотрению, твердо помня, что имеют перед собой ряд публицистических высказываний «по поводу» и «по случаю», ничем якобы не связанных между собой. Из этого «хаоса» мыслей и чувств исследователи могли кроить своего Радищева; они выбирали ряд мыслей и высказываний о самодержавии, о крестьянстве, о законах и лепили из них идеологию по своему усмотрению.

Мне кажется, что должно читать книгу Радищева просто, как читают всякое художественное произведение — сначала, всматриваясь в ту последовательность, с которой автор ведет своего героя от испытания к испытанию, от заблуждения к истине, присматриваясь к закономерности следования друг за другом глав и к характеру построения каждой из них.

4

Философское мировоззрение Радищева совпадало с основами учения французских материалистов-сенсуалистов. Решение основного философского вопроса Радищевым дается в духе материализма — бытие вещей независимо от силы познания о них, и существует само по себе. Познание действительности, существующей независимо от сознания индивидуума, происходит при помощи чувств; без чувств разум — ничто. Обращаясь к человеку, Радищев восклицает: «Разум твой начало свое имеет в твоих пальцах и в твоей ноготе» (Дневник одной недели). Механизм познания представляется Радищеву в следующем виде: первичным познанием является опыт, вторым — рассуждение; «рассуждение» это тот же опыт, но опыт разумный. Если опыт чувственный познает с а м и в е щ и — то рассуждение познает о т н о ш е н и е в е щ е й.

Радищев сам определяет: «Рассуждение есть ничто иное, как прибавление к опытам, и в бытие вещей иначе нельзя удостовериться, как через опыт».

Радищев не был только эмпириком, оставшимся в плену фактов; от наблюдения фактов он переходил к их обобщению.

Установить это положение очень важно, так как оно строит систему взглядов Радищева, раскрывая нам его метод мышления в следующей последовательности: наличие факта, его наблюдение и чувственное восприятие — первый опыт; рассуждение по поводу факта — накопление нового «умственного опыта», чтобы в итоге,

сблизив однородные явления и устранив случайное, притти к обобщениям. Так, Радищев устанавливает рождение нового представления и убеждения у человека — от непосредственного соприкосновения с действительностью и только с ней.

В соответствии с этим радищевским принципом и построены главы «Путешествия из Петербурга в Москву». Большинство глав содержит в себе «чувственные факты» — поданную и показанную тем или иным способом действительность, зарисованный кусок ее, и следующие за ним «рассуждения» — осознание этой действительности. В «Софии» — это случай с почтовым комиссаром и рассуждение о справедливости вообще; заунывные песни повозчика и рассуждение о необходимом характере правления. Затем — это встреча с крестьянином, вызывающая размышление о законах, рассказ о систербекской истории и полное тревоги раздумье о злоупотреблении чиновников своей властью. Это — напутствие крепостного дворянина сыновьям и дума о качествах человека и гражданина. Это — встреча с Анютой, с рекрутами, с семьей, продававшейся с молотка, — и навеянные этими встречами мысли о необходимости крестьянского восстания как единственного источника вольности народа. Иногда главы разрастаются и содержат не один, а несколько «фактов», за которыми следует одно «рассуждение» — так построена «Спасская полость».

Этот принцип многое раскрывает в замысле автора. Он требует систематического рассмотрения поданных фактов и их осмысления, он позволяет установить общий замысел не только в восприятии данного «факта», но и в подборе «фактов» в группы и в следующих за ними обобщениях, подсказанных действительностью. Тот же принцип позволяет нам определить отношение автора к каждому «факту» в ряде других, по степени и характеру следующего за ним «рассуждения». И здесь многое станет ясным, если вспомнить, что «проект в будущем» (Хотиллов) заканчивается не „рассуждением“, а подменившим его ироническим замечанием автора о необходимости разрешения более важной „проблемы“: „что выгоднее для едущего по почте, чтобы лошади шли рысью или иноходью, или что выгоднее для почтовой клячи: быть иноходцем или скакуном, нежели заниматься тем, что не существует“; так же и глава «Выдропуск», продолжившая «Хотиллов» «проектом в будущем» об уничтожении придворных чинов, не заключает в себе авторского отношения — факт остался без усвоения, он как бы обойден.

Иронией Радищев пользуется в своей книге часто, но ей отведена всегда служебная функция. Применение ее у Радищева идет по двум путям: во-первых, ирония кладется в основу главы, и тогда автор стремится не к положительному утверждению ее содержания, а к «доказательству от противного». В качестве примера укажу главы: «Спасская полость» (в ее последней части — сие) и «Хотиллов». Сон начинается следующей тирадой: «Мне представилось, что я царь, шах, хан, король, бей, набоб, султан или какое-то их названий нечто, сидящее во власти на престоле. . .»

Издавательством звучит превосходная сцена поведения приближенных этого «ничто», сидящего на престоле. Его зовок вызывает следующую реакцию: «Внезапное смятение распростерло мрачный покров свой по чертам веселия, улыбка улетела со уст нежностей, и блеск радования с ланит удовольствия» и т. д.

И, наконец: «Тронутый до внутренности сердца толико печальным зрелищем, ланитные мышцы нечувствительно стянулись ко ушам моим и, растягивая губы, произвели в чертах лица моего кривление, улыбке подобное, за коим я чхнул весьма звонко; подобно как в мрачную атмосферу, густым туманом отягченную, проникает полуденный солнца луч; летит от жгивенной его жаркости сгущенная парами влага и разделенная в составе своем частью улегчась, стремительно возносится в неизмеримое пространство эфира, и, частью удержав в себе одну только тяжесть земных частиц, падает низу стремительно; мрак, присутствовавший повсюду в небытии светозарного шара, исчезает весь вдруг, и, сложив поспешно непроницательный свой покров, улетает на крыльях мгновенности, не оставляя по себе ниже знака своего присутствия; тако при улыбке моей развеялся вид печали на лицах всего собрания послышавшаяся радость проникла сердца всех быстротечно и не осталось косога вида неудовольствия нигде. Все начали восклицать: „Да здравствует наш великий государь, да здравствует навеки“».

Таков стиль этой сцены. Скрытая ирония — великая сила в руках Радищева. Ею наполнен «проект в будущем». Екатерина II, оказавшаяся понятливым читателем, записала по прочтении «Хотилова»: «в насмехательном виде говорится о блаженстве и дается чувствовать, что оного нету. . . и клонится к возмущению крестьян против помещиков, войск противу начальства; сочинитель не любит слова тишины и покоя».

Екатерина сумела различить иронию Радищева, пародию на «высочайшие» указы, поняла, что на самом деле Радищев надеется не на царские манифесты, а на «возмущение крестьян противу помещиков».¹

Иная роль Радищевым отведена иронии в неожиданных концах глав. В тех случаях, где нужно высказать мнение героя по поводу «факта», и где автор этого мнения прямо высказать не может, дается ироническое завершение, позволяющее догадываться о замаскированных мыслях героя. Например, первая часть главы

¹ Приведу мнение по этому вопросу Я. Л. Барскова, также утверждающего наличие в основе главы «Хотилова» пародии на екатерининские указы. «Автор проекта подражал стилю Екатерины и сознательно высмеивал императрицу. Трудно сочетать картину будущего государства, это „приятное божеству обиталище“, где „законы верховная власти почитаются яко веление нежных родителей к своим чадам“, где „умеренность в наказаниях предупреждает даже и бесхитроные злодеяния, где достигнуты свобода, равновесие во властях и радость в имуществах“ с наличием в том государстве крепостного права и с гостовностью рабов, ожидающих „случая и часа“ востать „с яростью на погубление“ господства их» (Путешествие из Петербурга в Москву, изд. Academia, 1935, т. II, стр. 428).

«Новгород» имеет следующую концовку: «Вопрос: что есть право гражданское? Ответ: Кто едет по почте, тот пустяками не занимается, и думает, как бы лошадей скорее промыслить». Такова же концовка главы «Спасская полесь», заключительные слова главы «Едрово» (Всяк пляшет, да не как скоморох), «Хотиллов», «Торжок», «Тверь», «Пешки».

Изучение материала глав «Путешествия» позволяет нам сделать следующий вывод: все изображаемые факты действительности, призванные воздействовать на путешественника, раскрывать ему подлинную жизнь и рассеивать сложившиеся иллюзии о ней, подчиняют его разум своей логике жизненной правды. Факты подобраны в следующей последовательности: вначале — столкновение ложной системы, ложных представлений о действительности, свойственных в начале книги герою ее, с самой действительностью, впервые представшей обнаженной перед путешественником; затем, под влиянием этого столкновения, крушение системы ложных убеждений; затем следуют группы фактов, под влиянием которых формируется новое сознание путешественника.

Соответственно этому замыслу автор избирает и самый метод введения фактов. В первых главах с особой остротой показано столкновение заблуждающегося путешественника с действительностью, причем результаты этих столкновений поданы читателю с особой наглядностью. При этом герой книги высказывает свое мнение раньше, чем ознакомится с фактом. Следующее за тем изображение действительности колеблет его ложные представления о жизни. Путешественник начинает искать выхода из реально опутимого противоречия между своими привычными взглядами и действительными фактами. Он размышляет, еще внимательнее присматривается к происходящим вокруг него событиям и людям. В качестве примера укажем хотя бы главу «Любани».

— «Ты конечно раскольник, что пашешь по воскресениям?» — «Нет, барин, я прямым крестом крепчусь, — сказал он, показывая сложенные три перста. — А бог милостив, с голоду умирать не велит, когда есть силы и семья». — Разве тебе во всю неделю нет времени работать, что ты и воскресенью не спускаешь, да еще и в самый жар?»

«В неделе то, барин, шесть дней, а мы шесть раз в неделю ходим на барщину; да под вечером возим оставшее в лесу сено на господский двор, коли погода хороша; а бабы и девки для прогулки ходят по праздникам в лес по грибы да по ягоды». . . «Голоый наемник дерет с мужиков кожу; даже лучшей поры нам не оставляет. Зимой не пускает в извоз, ни в работу в город; все работай на него, для того, что он подушные платит за нас. Самая дьявольская выдумка — отдавать крестьян своих чужому в работу. На дурного приказчика хотя можно пожаловаться, а на наемника кому?» — «Друг мой, ты ошибаешься, мучить людей законы запрещают». — «Мучить? Правда, но небось,

барин, не захочешь в мою кожу». — Между тем пахарь запряг другую лошадь в соху и, начав новую борозду, со мною простился.

Разговор сего земледельца возбудил во мне множество мыслей (глава «Любани». Подчеркнуто мною. Г. М.)

Но это не единственный путь; иногда автор прибегает и к изображению больших явлений и событий, в которых путешественник сам непосредственно не участвует, но выслушивает рассказы встреченных им в дороге лиц. Встреченные лица сообщают такие факты их столкновений с действительностью, которые приводят ум путешественника в смятение с еще большей силой, так как путешественник имеет здесь дело уже с трагическим результатом этих столкновений и, кроме того, убеждается, что он в своем заблуждении не одинок, что несправедливость и произвол в жизни закономерны (Чудово, Спасская полость, Зайцево и др.). С той же целью — увеличить круг фактов действительности, воздействующих на сознание героя и перестраивающих это сознание, автор пользуется и таким приемом жанра «путешествий», как найденная рукопись. Все факты и сюжеты, к какому бы они жанру ни принадлежали, вводятся Радицевым и закономерно подчиняются теме и сюжету «Путешествия из Петербурга в Москву» — истории крушения и заблуждений и обретения новой веры героем-путешественником.

Герой путешествует от факта к факту, от испытания к испытанию, наблюдая и рассуждая, вынужденный сталкивать свое прежнее мнение о действительности с реальной жизнью. Сама действительность заставляет его шаг за шагом менять свои прежние убеждения. Это нас ставит перед проблемой рассмотрения главного действующего лица, героя путешествия, самого путешественника, от лица которого ведется повествование.

5

Книга Радицева начиналась с посвящения «любезнейшему другу» А. М. Кутузову. Как всякое посвящение, оно содержит в себе некоторый итог уже написанной книги; тем более мы это можем утверждать, зная, что «посвящение» было включено в книгу даже после цензуры. Значит — оно выражает взгляд автора на свою уже готовую книгу, включает соображения Радицева о причине ее возникновения, о ее направленности и назначении. Радицев пишет: «Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала».

В чем же причина этого? «Обратил взоры мои во внутренность мою, и узрел, что бедствия человека происходят от человека, и часто от того только, что он взирает не прямо на окружающие его предметы». Но, утверждает Радицев, истина не скрылась от человека навеки. «Я человеку нашел утешителя в нем самом». Утешение это в том, что автор сумел «прямо зирать на окружающие его предметы», отнять с глаз завесу, которая порождала заблуждение, смог понять истину.

«Воспрянул я от уныния моего, в которое повергли меня чувствительность и сострадание; я ощутил в себе довольно сил, чтобы противиться заблуждению; и . . . веселие неизреченное! Я почувствовал, что возможно всякому соучастником быть в благоденствии себе подобных. . . Се мысль, побудившая меня начертать, что читать будешь».

Итак — книга написана, чтобы умножить число людей, «прямо» смотрящих на действительность, и разоблачить лживую литературу. Книга обращалась к честным людям, которым указывался путь к иной жизни, путь борьбы с общественным укладом, в котором нет места свободе и справедливости, в котором процветают отношения господства и порабощения, лицемерия, продажности, цинизма.

Таково мнение самого автора о своей книге, мнение, которое он высказал читателю, помогая ему правильно понять тему «Путешествия».

Единым сюжетом «Путешествия» является история человека, познавшего свои политические заблуждения и открывшего правду жизни, новые идеалы, ради которых стоило жить и бороться.

С первой же главы в центре внимания автора герой, который наблюдает, слушает и участвует сам в событиях своего путешествия. Главы «София», «Тосно», «Любань» и «Чудово» рисуют нам человека, верующего в мудрость екатерининских законов страны, «где мыслить и верить дозволяется всякому, кто как хочет», где все дышит якобы обилием, где якобы искоренены всякие неустройства и злоупотребления, где правит мудрая императрица, «философ на троне». Но вот герой выехал из столицы и как будто попал в другой мир — так все ново и незнакомо в нем. Увиденный им в дороге странный сон был в руку.

«Я зрел себя в протранной долине, потерявшей от солнечного зноя всю приятность и пестроту зелени; не было тут источника на прохлаждение, не было древесныя сени на умерение зноя. Един, оставлен, среди природы пустынный. Вострепетал. — Несчастной, — возопил я, — где ты, где девалось все, что жизнь твою делало тебе приятно. Неужели веселости, тобою вкушенныя, были сон и мечта?»

Его оскорбляет поступок почтового чиповника, не желающего поступать по справедливости (София), возмущает дорога, оказавшаяся много хуже, чем о ней писали. Он с негодованием отвергается от страпчего (Тосно), собирающегося заработать на темных делишках составления фальшивых родословных, еще твердо веруя, что услугами пройдохи никто не воспользуется.

Он уже удивлен после встречи с крестьянином (в главе Любани), что тот работает шесть дней на барщине, удивлен диким произволом, находящим опору в законах. Но вот — новая история — неутомная жизнь как нарочно вывернула перед ним изнанку, до сих пор скрытую от него. Систербедкая история (Чудово) его поражает; он уже вынужден против воли сделать первое отсту-

пление от привычных взглядов и признать существование «малых и частных неустройств». Но он еще поспешно добавляет, продолжая верить и надеяться, что они, конечно, «в обществе связь его не нарушат» (Спасская полесь).

На этом заканчивается первый этап испытания героя. Он уже обогатился опытом и убедился, что не все так благополучно в государстве, как ему казалось. Путешественник едет дальше. Новые факты выстунают перед ним; между тем он еще не разрешил свою тяжелую думу о причине расхождения прежних представлений о жизни с подлинными фактами действительности. Он помнит, что есть самодержец, есть императрица — в ней надежда на исправление неустройств. Следует сон, оформляющий эту сладкую мечту встревоженного человека, но читатель, прочтя его, улыбается: автор поспешил ему на помощь, автор не хочет, чтобы хоть капля надежды на цр я запала в душу читателя, и иронией он взрывает эту надежду. Путешественник на почтовых мчится дальше — навстречу новым фактам. «Новгород» наводит на размышления о естественном праве — выводы неутешительны: «Вопрос: в естественном состоянии человека какие суть его права? Ответ: взгляни на него. Он наг, алчущ, жаждающ. Все, что взять может на удовлетворение своих нужд, все присвоет. Если бы что тому воспрепятствовать захотело, он препятствие удалит, разрушит и приобретет желаемое. Вопрос: Если на пути удовлетворения нуждам своим он обрящет подобного себе, если, например, двое, чувствуя голод, восхотят насытиться одним куском: кто из двух большее к приобретению имеет право? Ответ: тот, кто кусок возьмет. Вопрос: кто же возьмет кусок? Ответ: Кто сильнее. — Неужели сие есть право естественное, неужели се основание права народного! Примеры всех времен свидетельствуют, что право без силы было всегда в исполнении почитаемо пустым словом. — Вопрос: что есть право гражданское? Ответ: кто едет на почте, тот пустяками не занимается, и думает как бы лошадей поскорей промыслить» (Путешествие из Петербурга в Москву, изд. Academia, 1935, стр. 108).

Путешественнику уже слишком хорошо знаком Карл Дементьевич с его опорой не только на естественное, но и на вексельное право. Вновь, неожиданно для себя, он обнаруживает противоречие — вексельное право, введенное правительством как закон, есть не что иное, как законом разрешенные обман и жульничество: «Введенное повсюду вексельное право, то-есть строгое и скорое по торговым обязательствам взыскание, почитал я доселе охраняющим доверие законоположением; почитал счастливым новых времен изобретением, для усугубления быстрого в торговле обращения, чего древним народам на ум не приходило. Но от чего же буде нет честности в дающем вексельном обязательстве, от чего оно тщетная только бумажка? Если бы строгого взыскания по векселям не существовало, ужели бы торговля исчезла? Не займодавец ли должен знать кому он доверяет? О ком законоположение более пешился долженствует, о займодавце ли или о должнике? Кто боле в глазах

человечества заслуживает уважения, заимодавец ли, теряющий свой капитал, для того, что не знал кому доверил, или должник, в оковах и темнице. С одной стороны, легковёрность, с другой — почти воровство. Тот поверил, надеясь на строгое законоположение, а сей. . . А если бы взыскание по векселям не было столь строгое, не было бы места легковёрно, не было бы может быть плутовства в вексельных делах. . .» (Путешествие из Петербурга в Москву, изд. Academia, 1935, т. I, стр. 111). Разоблачение вексельного «права» обладает такой убедительной силой, что путешественник с тоской должен констатировать: «Я начал опять думать, прежняя система пошла к чорту, и я лег спать с пустой головой» (там же).

В «Бронницы» путешественник приезжает полный смятения; он молится, взывая к богу, прося о помощи; он теряет прежнюю систему, и это страшно. Что будет впереди? Заставить себя отвернуться от фактов и слепо верить прежнему он не может. «Рассудок претит иметь веру и самой повести, столь жаждущ он в убедительных и чувственных доводах» (Бронницы). И еще с большим вниманием он присматривается к этим доводам. В «Зайцеве» Крестьянкин рассказывает ему историю своего единоборства со всей существующей системой крепостнического государства по поводу процесса, в котором очевидная справедливость была на стороне обвиняемых крестьян. Угрозы, подкуп — все было пушено против Крестьянкина, лишь бы не допустить справедливого приговора, не допустить торжества правды. Дворянское общество, среди которого жил Крестьянкин, его судебное начальство требовало не справедливого, а классового суда в интересах дворян, и, когда он, Крестьянкин, запротестовал, отстаивая права крепостных, рассматриваемых им как граждан без различия их состояния, его объявили опасным человеком, вынудили подать в отставку.

Перед героем развернулась страшная картина узаконенной несправедливости и произвола у всех на глазах, в интересах господствующего класса; чувственные доводы делали свое дело. Глава заканчивается описанием состояния героя: он сидит на камне посреди пыльной дороги, чертит «на песке фигуры кой какие» и думает тяжелую, горькую думу.

Задуматься есть от чего: перед путешественником уже не только разрозненные факты, которых нельзя опровергнуть, но живой человек, возмущенный всей системой этих фактов, убежденный, что мир полон пороков, несправедливостей, и в то же время верующий, что нет смысла в одиночной борьбе, что остался единственный путь — смириться и уйти прочь. В «Крестцах» путешественник встречает второго, такого же, как Крестьянкин, человека, знающего, что мир порочен и полон несправедливостей и произвола. Зная это, он воспитал в детях независимость и мужество. На глазах путешественника в своем напутственном слове уезжающим сыновьям он призывает их не быть похожими на тех, среди которых им предстоит жить, а быть готовыми к тяжелой доле «исполнения должности человека и гражданина».

Родительское напутствие заставляет подумать о себе: если есть люди честные и мужественные, восстающие против несправедливости, нравственно-чистые — то каков же он? Картина, нарисованная в «Яжелбицах», помогает путешественнику посмотреть на себя глазами Крестьянкина и крестецкого дворянина. И он с ужасом видит, что моральная грязь и нравственная нечистоплотность общества присуща и ему, члену этого общества.

«Нечаянный хлад разлился в моих жилах, я оцепенел. Казалось мне, я слышал мое осуждение. Вспомнил дни распутныя моея юности. Привел на память все случаи, когда востревоженная чувствами душа гонялася за их услаждением, почитая мздоимную участницу любовныя утехы истинным предметом горячности. Вспомнул, что невоздержание в любострастии навлекло телу моему смрадную болезнь. . .» (Путешествие из Петербурга в Москву, изд. Academia, 1935, т. I, стр. 199).

Прозрев, путешественник обвиняет, но не только самого себя; впервые он выступает с обличением по адресу всего общества господствующих. Это они, это существующая государственная система виновата в существовании социального бедствия — проституции. «Но кто причиною, что сия смрадная болезнь во всех государствах делает столь великие опустошения, не токмо пожиная много настоящего поколения, но сокращая дни грядущих? Кто причиною, разве не правительство? Оно, дозволяя распутство мздоимное, отверзает не токмо путь ко многим порокам; но отравляет жизнь граждан. Публичные женщины находят защитников, и в некоторых Государствах состоят под покровительством начальства. Если бы, говорят некоторые, запрещено было наемное удовлетворение любовныя страсти, то бы нередко были чувствуемы сильные в обществе потрясения. Увозы, насилия, убийства нередко бы источник свой имели в любовной страсти. Могли бы они потрясти и самые основания обществ. — И вы желаете лучше тишину и с нею томление и скорбь, нежели тревогу и с нею здравие и мужество. Молчите скаредные учителя, вы есте наемники мучительства; оно, проповедуя всегда мир и тишину, заключает засыпляемых лестью в оковы. Боится оно даже посторонняя тревоги. Желало бы, чтоб везде одинако с ним мыслили, дабы надежно лелеяться в величестве и утопать в любострастии: . . Я не удивлюся глаголам вашим. Сродно рабам желати всех зреть в оковах. Одинаковая участь облегчат их жребий, а превосходство чье либо тягчит их разум и дух» (Путешествие из Петербурга в Москву, изд. Academia, 1935, т. I, стр. 202. Подчеркнуто мною. Г. М.)

Следующая глава дополняет это обвинение новыми фактами.

В главе «Едрово» путешественник, утомленный беспрестанными разоблачениями своих заблуждений, попадает в иной мир — мир угнетенных. Он как замороженный ходит среди крестьянок; ему импонирует их здоровая красота, их сильные, обнаженные руки, их веселые взоры, их «приятности», прелестные без «покрова хитрости». Он покороен нравственным обликом крестьян. Что это за

правдивые, честные люди! Какая гордость и независимость! Какое уважение к труду! Какая любовь и, наконец, какая сила в чувстве материнства в крестьянской женщине. И это после всего, что он узнал о том обществе Дурындиных, откуда только что он ушел. Как же не волноваться ему? «Анюта, Анюта! Ты мне голову вскружила. Для чего я тебя не узнал лет пятнадцать тому назад?» — восклицает путешественник. — «Все было бы тогда иначе. А теперь, как быть теперь?» И повозчик его, двоюродный брат жениха Анюты, отвечает на его вопрос: «То-то барин! Всяк пляшет, да не как скоморох. . .» «И к почтовому двору подъехал. Всяк пляшет, да не как скоморох, твердил я, вылезая из кибитки. . . Всяк пляшет, да не как скоморох, повторил я, поклоняясь и подняв, раз-вертываю. . .»

Ответ был найден, но он не исчерпывал всей полноты проблемы, стоявшей перед путешественником. Было ясно одно — выход есть, надо искать путь к жизни, отличный от прежнего, отличный от путей общества, пляшущего под старую дудку. Путь для честных людей есть. Но какой же это путь? Жизнь старается подсказать его путешественнику, подбрасывая «проект в будущем», написанный честным и мужественным человеком, в котором путешественник ясно видел «гражданина будущих времен». Проект уясняет основную проблему: необходимо ликвидировать крепостное право и наделить крестьян землей. Путешественнику еще неясен путь освобождения крестьян, и, не решая этого вопроса, он предпочитает отделаться шуткой. Но ясно уже, что жизнь подсказывает путешественнику необходимость социальных преобразований, существо которых Радищев при допросе сформулировал так: «Желание мое стремилось всех крестьян от помещиков отобрать и сделать их вольными». Вопрос о том, как это сделать, остался открытым. Путешественник еще не научился «прямо» смотреть на действительность, и еще не под силу ему ответить на этот вопрос. В читателе же надежду на освобождение сверху автор разрушает иронией, компрометируя эту надежду. Расчет оказался верным: одна из первых читательниц, Екатерина, это сразу заметила.

В главе «Хотиллов» сплелись несколько вопросов и их нужно рассмотреть порознь, не путая друг с другом и не подменяя один другим. Ход повествования выдвигал тему: что делать, продолжать ли жить, как раньше? Но сердце и ум честного путешественника встают против силы косности; он привык верить только фактам, а факты опрокидывают прежние представления. Следовать примеру Крестьянкина? — это значит опять смириться; герой, протестуя против смирения, наконец находит выход — не смириться, а идти смело своим отличным путем, путем познания истины. Нужно найти корень несчастий и решить, что делать. Глава «Хотиллов» и отвечает на этот вопрос: нужно коренное изменение в существующем положении, нужны свобода и земля для крестьян.

В следующей главе путешественник еще не находит ответа, как добиться общественной перестройки, но что она необходима, —

это очевидно. Путешественник уже сам, рассказывая о помещике, который ввел месячину, начинает с таких слов: «За примером жестокосердия не имеем пужды ходить в дальние страны, ни чудес искать за тридевять земель: в нашем царстве они воочью совершаются».

Он уже научился видеть факты такими, какими они есть на самом деле. Но, установив факты жестокости, произвола, насилия над крепостными, путешественник не находит еще иного средства борьбы с этими фактами, кроме призыва к человеку любви. Он призывает дворян сокрушить орудия земледелия жестокого помещика, сжечь риги, овины и житницы и развеять пепел по нивам, он обращается к дворянам, но еще не к крестьянам (глава «Вышний Волочек»): «Богатство сего кровопийца ему не принадлежит. Оно пажито грабежом и заслуживает строгого в законе наказания. И суть люди, которые взирая на утучненные нивы сего палача, ставят его в пример усовершенствования в земледелии. И вы хотите называться мягкосердными, и вы носите имена почителей о благе общем. Вместо а ш е г о поощрения к таковому насилию, которое вы источником государственного богатства почитаете, прострите на сего общественного злодея в а ш е чело-веколюбивое мщение. Сокрушите орудие его земледелия; сожгите его риги, овины, житницы и развейте пепел по нивам, на них же совершалось его мучительство, ознаменуйте его яко общественного тата, дабы всяк его видя, не только его гнушался, но убегал бы его приближения, дабы не заразиться его примером» (Путешествие из Петербурга в Москву, изд. Academia, 1935, т. I, стр. 276. Подчеркнуто мною. Г. М.)

Главы «Выдропуск» и «Торжок» ставят самостоятельные проблемы, свидетельствующие о большом круге интересов путешественника и разрешают еще не изжитую им (путешественником, а не Радищевым) веру в самодержавие. Материал обеих глав утверждает один вывод: «чему дивиться, скажем и теперь, как прежде: он был царь. Скажи же, в чьей голове может быть больше несообразностей, если не в царской».

Разработка вопроса свободы слова вытекает из общего хода рассуждений путешественника и находится в общем ряде последовательно разрешаемых проблем. Путешественник уже многое в действительности видит открытыми глазами. Он уже сознает необходимость преобразований, ему нужна свобода слова, для него очевидно назначение царской цензуры.

«Запрещая вольное книгопечатание, робкие правительства не богохуления боятся, но боятся сами иметь порицателей». В цензуре правительство находило одно из средств борьбы с порицателями; «прочному и твердому зданию довольно его собственного основания, в опорах и контрофорсах ему нужды нет». А отсюда вывод: если власть «шествует стезею ей назначенной», то никаких непорядков не будет от вольного слова, а если она «ломит» правду,

тогда и вольное слово ее беспокоит, ибо предвещает гибель. Только подлинно народное правительство дает свободу слова, и тогда «не дерзнут правители народов удалиться от стези правды и убоятся, ибо пути их, злость и ухищрения обнажатся».

Здесь, в этих главах, даны ответы, завершающие второй этап в эволюции путешественника. Вера в царя, могущего исправить хотя бы «мелкие и частные неурядицы», рухнула. Путешественнику стало ясно, что все дело не в неурядицах, а в системе государственного устройства, а систему возглавляет царь; чего же ждать от него? Начинается третий этап. Мучительно искомый ответ, наконец, найден. Герой узнает, как надо осуществлять преобразования. Он нашел путь, он начал, наконец, до конца прямо смотреть на действительность, его разум, его душа обновились.

Глава «Медное» открывает этот новый этап. Варварский обычай распродажи людей был той последней каплей, которой не хватало для кристаллизации постепенно, шаг за шагом, накапливаемого нового понимания жизни, взаимоотношений людей и их борьбы.

Формирование идеологии последовательного демократа-революционера завершается. Продажа людей убеждает путешественника в новой истине. Ни честные Крестьянкины, ни дети крестецкого дворянина, ни автор проекта, «гражданин будущих времен», — никто из великих соотечественников не в состоянии изменить существующих отношений порабощения и эксплуатации. «А все те, кто бы мог свободе поборствовать, все великие отчинники, и свободы не от их советов ожидать должно, но от самой тяжести порабощения».

В следующих двух главах, «Тверь» и «Городня», формулируется окончательный вывод о необходимости крестьянской народной революции как единственного пути социального преобразования, устанавливающего вольность государства тружеников. Эти главы обосновывают идею восстания, его закономерность и целесообразность примерами исторического развития человечества (ода «Вольность»). Если в главе «Тверь» путешественник выслушивает теоретические рассуждения на эту тему, то в «Городне» он действует сам, показывая тем самым свое сочувствие идеям оды «Вольность». В «Городне» путешественник призывает рабов к восстанию против помещиков: «Вольные люди, ничего не преступившие, в оковах, продаются, как скоты! О, законы! премудрость ваша, часто бывает только в вашем слого. Не явное ли се вам посмеяние? Но паче еще того, посмеяние священного имени вольности. О! если бы рабы тяжкими узами отягченные, яряся в отчаянии своем, разбили железом, вольности их препятствующим, главы наши, главы бесчеловечных своих господ и кровью нашу обагрили нивы свои! Что бы тем потеряло государство? Скоро бы из среды их исторгнулись великие мужи, для заступления избитого племени; но были бы они других о себе мыслей и права угнетения лишены» (Путе-

шествие из Петербурга в Москву, изд. Academia, 1935, т. I, стр. 386).

Такова эволюция путешественника. Он нашел человеку утешителя в нем самом, он научился «прямо» смотреть на действительность, обрел истину и новые идеалы в жизни, стал приверженцем борьбы за великую волю, вступил в борьбу с ненавистным самодержавием как равный среди равных в армии угнетенных.

Но путешественника вдруг охватывает тревога. Уже в главе «Городня» и затем в последующих главах — «Завидово», «Пешки» и «Черная грязь» — в его речах начинают звучать все сильнее ноты отчаяния. Это подавленное состояние героя находится в зависимости от ежедневного им решения. После призыва к восстанию путешественник, наделенный тонким пониманием действительности, так закачивает свою страстную речь о будущем: «Не мечтаю, но взор приницает густую завесу времени, от очей наших будущее скрывающую; я зрю сквозь целое столетие».

Автор уже знает, что надо делать, но он знает и больше — в данное время нельзя мечтать о революции. Славное время еще не наступило, отсюда и печаль, омрачившая радость познанной истины. Но, несмотря на это, для путешественника ясно, что его место — среди угнетенных, в том мире, которому принадлежит будущее. Определив свое новое место в жизни, путешественник ищет общения с крестьянством. Он разговаривает с крепостным интеллигентом-рекрутом (Городня): «Я прижал его к сердцу моему. Лицо его новым озарилось весельем. Не все еще исчезло; ты вооружаешь душу мою, вещал он мне, против скорби, дав чувствовать мне, что бедствие мое не бесконечно. . .»; он хочет быть равным среди крестьян, окруживших слепого певца (Клин). Он ушел от своего класса. Он одинок, — что может быть тяжелее социального одиночества? Но он не хочет подобно Крестьянкину замыкаться в своем одиночестве.

Путешественник хочет бороться, и поэтому связь с крестьянством ему необходима. «Не уже ли ты меня столько перед всеми обидишь, старичек, сказал я ему, и одно мое отвергнешь подаяние? Неужели моя милостыня есть милостыня грешника. Да и та бывает ему на пользу, если служит к умягчению его ожесточенного сердца. — Ты огорчаешь давно уже огорченное сердце, естественною казною, говорил старец: — не ведал я, что мог тебя обидеть, не приемля на вред послужить могущего подаяния; прости мне мой грех, но дай мне, коли хочешь мне что дать, дай что может мне быть полезно. . . Холодная у нас была весна, у меня болело горло. . . платчишка не было чем повязать шеи — бог помиловал, болезнь миновалась. . . Нет ли старенького у тебя платка? Когда у меня заболит горло, я его повяжу; он мою согреет шею; горло болеть перестанет; я тебя вспоминать буду, если тебе нужно воспоминание нишего. — Я снял платок с моей шеи, повязал на шею слепого. . . И расстался с ним.

Возвращаясь через Клин, я уже не нашел слепого певца. Он за три дня до моего приезда умер. Но платок мой, сказывала мне та, которая ему приносила пирог по праздникам, надел заболел перед смертью на шею и с ним положили его в гроб. О, если кто чувствует цену сего платка, тот чувствует и то, что во мне происходило, слушав сие» (Путешествие из Петербурга в Москву, изд. Academia, 1935, т. I, стр. 408).

Глава «Клин» в сентиментальных тонах передаст знаменательный эпизод в жизни путешественника. Несмотря на наличие установленного сходства со Стерном в этой главе, даже на утверждения о ее «стилистических погрешностях» (Барсков) и особенной чувствительности, нельзя забывать о том, какое место занимает встреча с клинским певцом в трагической судьбе радищевского героя, нельзя забывать, какое место имеет эта глава в общем контексте книги и каким целям она служит. Кто помнит все это, тот не может без радостного волнения прочесть наивную и трогательную повесть о клинском певце.

В конце книги (главы «Пешки» и «Черная Грязь») путешественник смотрит уже на все новыми глазами, и факты один за другим с еще большей силой подтверждают правоту его новой веры. Но тоска и отчаяние увеличиваются. В «Пешках» крестьянка так заканчивает свой печальный рассказ: «по как быть: потужишь, потужишь, а делай то, что господин велит». В главе «Черная Грязь» — вновь картина произвола (насильственная женитьба). Несчастные крепостные убиты горем, но терпят, смиряются со своим положением. А у путешественника вырывается горькое признание: «О! горестная участь многих миллионов. Конец твой сокрыт еще от взора и вначат моих.»

И вдруг мажорный конец — «Слово о Ломоносове», этом выходе из народа, панегирик гению ученого и укоризна придворному за лесть, неискренность, — «Слово о Ломоносове», утверждающее принцип действия, борьбы, дерзания, прокладывания новых путей.

Но вот уже «Всесвятское» — путешественник прибыл в Москву...

Для доказательства композиционного единства и художественной цельности книги Радищева пришлось бы может быть слишком прямолинейно вести линию сюжета, вынужденно сужать круг проблем, поставленных в каждой главе и в книге в целом, так как необходимо было проследить путь и указать на основные этапы, по которым шло изменение сознания путешественника. Считаю «Путешествие из Петербурга в Москву» цельным художественным произведением, в котором показана замечательная история формирования демократа-революционера, я нарочно останавливался на каждой главе, показывая взаимосвязь глав в развитии темы о человеке, пришедшем к утверждению необходимости крестьянской революции. Конечно, круг поднятых и разрешенных в «Путешествии» проблем шире, чем я мог показать, содержание его богаче и многограннее отдельно взятой сюжетной линии. В целях частичного восполнения этого пробела укажу на некоторые проблемы, нашед-

шие свое разрешение в «Путешествии из Петербурга в Москву», своей последовательностью еще раз подтверждающие основную мысль о цельности и композиционном единстве книги Радищева.

6

Проблемы власти и закона являются центральными в «Путешествии». Включенные в план «Путешествия», они вводятся и разрешаются в строгой зависимости от развертывания темы в целом. Вопрос о крестьянском восстании возникает не раньше, чем будет разрешена проблема самодержавия; закон гражданского равенства общества тружеников сформулируется не раньше, чем герой убедится в истинном назначении дворянских законов охранять собственность и права угнетателей, увидит их открытую направленность против угнетенных.

Проблема закона. Первые главы показывают столкновение екатерининских законов с действительностью. Для героя в начале его путешествия закон — «священное имя», поношение которого равно кощунству, даже несмотря на несоответствие его фактам, встреченным в жизни. «Ведаешь ли, что в первевственном уложении, в сердце каждого написано? Если я кого ударю, тот и меня ударить может. — Вспомни тот день, как Петрушка пьян был и не поспел тебя одеть. Вспомни о его пощечине. О есть ли бы он тогда хотя пьяный опомнился, и тебе отвечал бы соразмерно твоему вопросу! — А кто тебе дал власть над ним? — Закон. — Заков? И ты смеешь поносить сие священное имя? Несчастный... Слезы потекли из глаз моих» (А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву, изд. Academia, 1935, т. I, стр. 20).

Уверенный в мудрой справедливости законов, путешественник вынужден наблюдать, как в согласии с этими законами можно заставить крестьянина работать шесть дней на барщине, можно мучить и издеваться над людьми (Любань), можно оправдать преступное равнодушие к гибнущим людям (Чудово), можно на устрицах «продвигаться по службе», на основе закона можно обвинить и разорить невинного (Спасская полость), можно, опираясь на закон, на вексельное право, мошенничать (Новгород). Все эти факты обрушиваются на человека, верующего в законы, проникнутого духом «Наказа». Возникают противоречия и сомнения. История Крестьянкина обнажает подлинный смысл «законности», а крестецкий дворянин формулирует мысль, что нет такого общества, где бы «закон не полагал добродетели преткновенений в ее шествии», отчего трудно «исполнять должность человека и гражданина». В «Медном» путешественник видит уже премудрость священного закона только в надутом его слого, а в «Черной Грязи» произвол, опирающийся на закон, вызывает его восклицание: «Почто удивляться сему», ибо существующий закон, прикрытый высоким слогом, есть закон варваров-помещиков.

Тогда-то возникшая необходимость сформулировать новое представление о законе находит свое разрешение в оде «Вольность»:

«Возникла обща власть в народе,
Соборной всех властей удел.
Ей общество во всем послушно,
Повсюду с ней единодушню.
Для пользы общей нет препон.
Во власти всех своей ярю долю,
Свою творю, творя всех волю:
Вот что есть в обществе закон».
(Ода «Вольность», стр. 3.)

Вопрос о власти включает в себе три проблемы: самодержавие, народовластие и путь социальных преобразований — революция или реформа.

Не останавливаясь подробно на каждом вопросе, избегая повторений, так как аналогичный материал приведен выше при разборе изменений в сознании путешественника, укажу лишь на последовательные этапы разрешения этого вопроса.

Факты, к которым так чувствителен путешественник, не только вселили в него признание «малых и частных неустройств», но последовательно уничтожили веру в царя и реформу сверху. Шаг за шагом факты доказали ему, что неустройство, произвол, насилие над большинством населения находит свою опору в законах, «источник» которых — государь. Падает вера в законы императрицы, увядает вера в самодержавие, в власть просвещенного и философствующего монарха. Ода «Вольность» содержит негодующие и страстные слова ненавистника самодержавия по адресу монарха:

«Злодей, злодеев всех лютейший
Ты все свершил злодеяния и жало свое в меня
устремил. . .
Умри, умри же ты стократ.
Народ вещал. . .»

воскликает путешественник, навсегда расставшись с иллюзией самодержавия.

Что же должно сменить самодержавие? Путешественник после призыва к восстанию крепостных (Городня) мечтает о единственно справедливом правительстве — правительстве народном, демократическом, республиканском.

На ряду с разрешением вопросов власти становилась в порядок дня тема о путях социальных преобразований и о поведении человека, уразумевшего истину во взаимоотношении классов. Вслед за постепенным осознанием истины путешественник наталкивается на факты, отвечающие на вопрос, что же делать честному человеку, на что надеяться, чему верить и служить. Вопросы эти также разрешились не сразу.

Тесно связанным с последней проблемой оказывается вопрос о роли писателя, сумевшего «прямо» смотреть на действительность. В главе «Подберезье» путешественник знакомит читателя с текстом записок, оброненных встретившимся ему семинаристом. Там мы находим ряд демократических требований к системе образования, среди них и требование о введении преподавания на русском языке; там же впервые высказана мысль о роли и назначении в обществе писателя. «Если потомкам нашим предлежит заблуждение, если, оставя естественность, гоняться будут за мечтаниями, то весьма полезный бы был труд писателя, показавшего нам из прежних деяний шестие разума человеческого, когда сотрясший мглу предубеждений, он начал преследовать истину до выпренности ее, и когда утомленный, так сказать, своим бодрствованием растлевать начинал паки свои силы, томиться и ниспускаться в туманы предрассудков и суеверия. Труд сего писателя бесполезен не будет: ибо, обнажая шестие наших мыслей к истине и заблуждению, устранил хотя некоторых от пагубных стези, и заградит полет невежества; блажен писатель, если творением своим мог просветить хотя единого, блажен если в едином хотя сердце посеял добродетель».

В слове о Ломоносове эта мысль высказана более определенно: «Не достойны разве признательности мужественные писатели, встающие на губительство и всеилие для того, что не могли избавить человека из оков и пленения».

Наконец, в посвящении, написанном после окончания книги, автор сам пытается определить, насколько ему удалось своей книгой оправдать это призвание писателя. Говоря о том, что книгу его побудило написать желание научить читателя разбираться в действительности, он высказывает убеждение, что своей книгой он выполнил высокий долг писателя.

«Но если, говорил я сам себе, я найду кого-либо, кто намерение мое одобрит, кто ради благой цели не опорочит неудачное изображение мысли; кто состраждет со мною над бедствиями собратии своей; кто в шествии моем меня подкрепит, — не сугубый ли плод произойдет от подъятого мною труда».

Тема роли писателя в обществе, роли передового бойца, оружием слова борющегося с заблуждением, пропагандиста идей борьбы за волюность тружеников заслуживает особого внимания. Она многое может объяснить в жизни и творчестве не только Радищева, но и других писателей его круга, Крылова, например, в первую очередь.

Книга Радищева очень объемна по своему содержанию и идейной насыщенности. В ней можно найти разрешение крестьянского вопроса (о частной собственности, освобождении, преимуществах вольного труда перед крепостным и т. д.) и разработку проблем воспитания, нравственности, любви, материнства; затронуты в ней и вопросы права, цензуры, вплоть до литературных и эстетических проблем. Все они стоят внимания и ждут своего исследователя.

Однако при всем их разнообразии необходимо при исследовании помнить о том, что взятые сами по себе, вырванные из книги в целом, из ее композиционного построения, они бледнеют, теряют свою цельность, остроту и полноту звучания, а подчас и правдивость. Только взятые в отношении к книге в целом, в связи с другими проблемами, и главное, в связи с общей темой «Путешествия», они могут быть правдиво разрешены.

7

Узнав о расхождении содержания печатной книги «Путешествие из Петербурга в Москву» с представленным в цензуре управы благочиния списком, Екатерина II, ведя фактически следствие по делу Радищева, отметила и это «преступление» «бунтовщика». «О строке — с дозволения управы благочиния скажу, что прибавить к книге после подписи подписавшего есть лживый поступок и бездельство».

Каков же характер последцензурных поправок и дополнений в тексте «Путешествия»? Зачем они сделаны? Нельзя сказать, чтобы эти вопросы не интересовали исследователей; но интерес их исчерпывался разрешением сомнения: содержат ли в себе эти дополнения наиболее революционные идеи, наиболее «опасные» для цензуры, или нет. Изучив вопрос, все исследователи в один голос отвечали: нет, все революционные идеи, мечты о будущей революции и народовластии, выпады против самодержавия — все это было в цензурном списке. После таких выводов всякий интерес к этим исправлениям пропал.

Но если вопрос о непосредственной политической значимости исправлений снят, — это не разрешает вопроса о назначении исправлений, их характере; исправления были таковы, что автор считал своим долгом писателя нарушить закон, внося их после цензуры. Очевидно, Радищев считал крайней необходимостью дать читателю исправленную, отличную от цензурного списка книгу.

Каковы же эти изменения и дополнения в книге, предназначенной для читателя? Начнем по порядку.

1. Книге было предпослано написанное заново посвящение Кутузову.

2. Изменено построение глав «Спасская полесь» и «Подберезье». Эти главы выглядели в цензурном списке так: «Спасская полесь» содержала всего лишь один эпизод с несчастным, незаконно осужденным, а глава «Подберезье» включала известный сон путешественника. Радищев делает изменения: «Спасская полесь» начинается с вновь введенного эпизода, рассказа об устрицах, а за ним следует встреча с несчастным и завершает их знаменитый сон. Глава «Подберезье» пишется заново.

3. Глава «Новгород» не имела эпизода встречи с Карпом Дементьевичем. Вся эта сцена и следующее за ней рассуждение

написаны вновь; также вновь написан эпизод с известием о свадьбе Дуриндиных.

4. Глава «Черная Грязь» — эпизод встречи путешественника с самоубийцей выброшен и заменен ранее написанным «Словом о Ломоносове».

Уже один только перечень этих изменений позволяет определить характер авторских исправлений и дополнений как идейно-композиционный. В самом деле, рассмотрим изменения в построении глав. Выше уже говорилось о радищевском принципе, положенном в основу композиционного построения каждой главы: она должна была заключать подлинный факт действительности и следующее за ним рассуждение. В цензурном списке главы «Спасская полесь» и «Подберезье», объединявшие единый материал, факт и рассуждение были разделены на две главы: в одной факт, в другой рассуждение. И вот Радищев сводит единый материал в одну главу, объединяет ее, дополняя еще одним фактом и уже в таком виде полноценную главу дает читателю. То же и в главе «Новгород», которая содержала в себе лишь отвлеченное рассуждение о Новгороде и его былой истории. Введенный «факт», рассказ об узаконенном жульничестве Карпа Дементьевича в сочетании с рассуждением об уничтожении новгородской вольности, придали ей характер, переломный на пути героя. Главы «Спасская полесь» и «Новгород» в общей композиции занимают не последнее место. Они являются переломными в формировании нового сознания путешественника. Но такое значение они приобретают лишь после исправлений. Без этих поправок читателю было трудно определить переломные периоды в сознании героя, труднее следить за изменениями его мировоззрения. Внесенные дополнения объясняют читателю авторский замысел.

Иной характер имеют остальные авторские дополнения и исправления. Их назначение придать иное звучание всей книге в целом, дать иное разрешение темы «Путешествия». В самом деле, как заканчивалась книга в цензурном списке? Последней главой была «Черная Грязь». В ней отчаяние путешественника достигает предела. Сознание, что крестьянское восстание сейчас немислимо, что оно возможно лишь в будущем, гнетет его.

И вот встревоженный путешественник встречается самоубийцу, верующего, что блаженство теперь еще в его руках, блаженство смерти, ухода из ненавистного общества, где нет места честным протестантам (можно предполагать, что самоубийца — не растратчик, покончивший с собой, избегая суда, как полагает Я. Л. Барсков, а наоборот, человек, безуспешно пытавшийся разоблачить вельможу-растратчика, и затравленный).¹ Понятно, как эта сцена

¹ В дошедшем до нас рукописном списке «Путешествия из Петербурга в Москву», представленном в управу благочиния цензору Рылеву, утрачены некоторые страницы, в том числе две страницы из заключительной главы книги, где описан эпизод встречи путешественника с самоубийцей. Утраченные страницы содержат в себе начало исповеди самоубийцы, рассказ

могла подействовать на путешественника, и без того зараженного ядом сомнения; ведь если невозможно восстание сейчас, то значит предстоит долгий путь борьбы в одиночку. Выдержит ли он? Вновь возникала проблема о праве на самоубийство, если должность человека и гражданина исполнить невозможно, — проблема ухода от активной борьбы. Въезд путешественника в Москву поэтому был скорбен. Таким образом путешественник приходил к тому же выводу, что и Крестьянкин и крестецкий дворянин. Их пессимизм охватил и его. И, несмотря на то, что тема «Путешествия» в целом выдвигала иные идеалы, что материал книги утверждал иной путь героя, путь к угнетенным, к осознанию необходимости революции, к осуждению пассивности и к провозглашению идей борьбы, книга все же заканчивалась пессимистически. . . Книга переставала звучать призывным набатом, она не звала к борьбе, она лишь утверждала веру в будущую победу угнетенных, но не учила, что делать сейчас. Таков был конец книги, навеянный минутной слабостью Радищева-человека. Но так не должна была кончиться книга убежденного демократа и революционера. И композиционная переработка цензурного списка Радищевым — это мужественная борьба писателя с трагическим восприятием жизни. Он победил в себе пессимизм, человеческую слабость. В нем восторжествовало мужество революционера. Он выбрасывает эпизод встречи с самоубийцей, заменяя его мажорным «Словом о Ломоносове», а к книге он пишет новый, подлинный конец — посвящение Кутузову — одно из сильнейших мест в книге. Он открывает читателю свою великую радость: он нашел в себе силы противиться заблуждению, он постиг истину, и наконец, «вселение неизреченное! Я почувствовал, что возможно всякому соучастником быть во благоденствии себе подобных», и уже в таком виде он отдал книгу читателю.

о причине, толкнувшей его на самоубийство. Утрата этих страниц создала трудность в определении мотивов самого самоубийства. Внимательное чтение заключительного отрывка главы, следующего после утраченных листов, позволяет, однако, установить, что перед нами продолжение исповеди самоубийцы, который говорит о третьем лице как истинном растраччике, чье «уху привыкло к общему нареканию». Напомню дошедший до нас отрывок исключенного после цензуры заключения книги.

«Погруженный в сих мыслях я, выехав с почтового стана, приближался уже к Москве. Проехал уже Всесвятское и сравнялся с краем прекрасной рощи, по конец его стоящей. Вдруг, я услышал выстрел и после того стеномие болящего человека. На мысль пришло мне, что некто, может быть, неосторожностью какого-нибудь стрелка ранен. Трепещущ от сей мысли я выскочил из кибитки и поспешал на помощь страждущего. Но совсем я ошибся в моем заключении. При входе в рощу я обрел человека изрядно одетого, сидящего на земле; подле него к сосне привязана была оседланная лошадь. В правой руке держал он пистолет, коим произведен был выстрел, и сквозь его кафтан на разорванном рукаве видны были капли крови.

— Какой несчастный случай допустил тебя уязвить самого себя, — говорил я сидящему в задумчивости. — Конечно, неосторожно пущенной курок был тому причиною. Позволь, я сниму с тебя кафтан. Я потщусь, если могу тебе оказать облегчение.

Мне остается сделать несколько замечаний о причинах сокращения оды «Вольность». Полный текст оды «Вольность» включает 54 строфы, или 540 стихов; в «Путешествии» же помещено лишь 178 стихов, т. е. меньше трети всей оды; остальные строфы заменены пересказом. Не считая случаев, где из отдельных строф, сопровождавшихся комментарием, все же приводилось 1, 3, 4 стиха, полному пересказу подверглось 27 строф; если учесть, что всего в «Путешествии» упоминается лишь 50 строф из 54, получим, что больше половины оды подверглось пересказу и только 14 строф помещены целиком. Укажу примеры пересказа: содержание с 24 по 34 строфы излагается так: «В следующих одиннадцати строфах заключается описание в царстве свободы и действия ее, то-есть сохранность, спокойствие, благоденствие, величие. . .»; в том же духе следуют и другие пересказы — коротко, выразительной фразой передается содержание больших строф. Говорить о самостоятельности — идейной и композиционной — оды «Вольность» в том виде, как она изложена в «Путешествии», нельзя. Повидимому, именно необходимость лишить оду

— Благодарю тебя за предлагаемую услугу, но пользоваться ею не желаю. Правда твоя, что несчастный случай причиною, что рука моя уязвлена, но заряд не ей был определен, а сюда (указывая лоб), признаюсь, робость и недовольное, может, размышление о мужественности виною тому, что выстрел был неудачен, в пользу мне послужит, ибо я не робею. — Я хотел было воспользоваться болезнию его и спасти его от отчаяния, выхватил у него из руки пистолет. — Сей отдам тебе непрекословно. Но не трудись тщетно о мне. Вот другой, да и сам отойди подальше (устремляя на меня), если желаешь мне не мешать. На что жизнь тому, кому она стала в тягость? На что она, коли нет в ней более приятностей? Я родился в изобилии, возвращен в неге, не ведал нужды николи, был почитаем, отличен и в уважении; касался, казалось вокрая сосуда сладостей, любил и был любим. Но все сие исчезло яко прах и сон. — Нищ, презрен, в горячности моей, уготован на поругание, что остается делать тому, кто лишен и надежды. Не шевелись, — потряс он с угрозою своим смертоносным орудием, — ежели не хочешь быть моим предтечею в смерти. — Отчаянному сему движению мое при последнем его изречении казалось, что я хочу его лишить последнего его убежища. — Конечно, злой дух тебя направ. . . (утрачены дальнейшие два листа) и от того, что сердце его терзается мздою, а не добрым именем. К нареканию общему уху его привыкло; к общему к нему у мерзнию присовокупится телько мерзение судии его. Но похититель казны нередко бывает любим в обществе всеми, имея сам к себе неслетное почтение, казнится единою мыслию потерять общее уважение. Для сохранения сего ты меня здесь видишь. Ведаю, что Кесарь, похитив казну общественную, преступником не почитается ни от кого; ведаю, что Филипп Орлеанский, вводя бумагу на пособие деньгам, ограбил Францию, но не был казнен. Ведаю, что султан турецкий удавлял богачей, когда имеет нужду в деньгах и преступником не почитается. Но что мне в примерах. Добро на сем свете не есть добро само по себе, но добро в отношении. Мое блаженство теперь еще в моих руках; дабы и ты не был жесток, сохраняя еще мне жизнь. . .

С проворством несказанным, вложив пистолет в рот, спустил введенный курок и приник к земле, не произнося ни малейшего стона.

Я с поспешностью удалился от сего полоумного, и въезд мой в Москву был скорбен.

Москва! Москва!

(Путешествие из Петербурга в Москву. Изд. Academia, 1935, т. II стр. 295, варианты).

композиционной самостоятельности в тексте книги была истинной причиной сокращения и пересказа оды в рамках «Путешествия». Если бы это было «Путешествие» стерновского типа, самостоятельность оды ничего бы не нарушила в композиции самого «Путешествия»; но радищевское «Путешествие», единое по идейному замыслу и композиции, не терпело такого принципа. Теряя свою самостоятельность, ода подчинялась теме «Путешествия» в целом, выполняя лишь строго определенную ей служебную функцию.

Комментированию и пересказу подверглись все строфы, которые могли отвлечь внимание читателя от развития основной темы книги. Их содержание пересказывалось несколькими словами, рельефно оттеняющими главную мысль. Глава «Тверь» в книге занимает особое место; она развязывает многие сюжетные узлы, завершает развитие выдвинутых в «Путешествии» проблем. Именно этой задаче и подчинены отрывки из оды «Вольность»; по этому же принципу производилось комментирование и пересказ невключенных строф. Например, строфа 2 полностью звучит так:

«Я в свет исшел и ты со мною;
 На мышцах нет моих заклеп;
 Свободною могу рукою
 Прияти данный в пищу хлеб.
 Стопы несущ, где мне приятно;
 Тому внимаю, что понятно;
 Вещаю то, что мысляю я.
 Любить могу и быть любимым,
 Творю добро, могу быть чтимым
 Закон мой, воля есть моя».

В «Путешествии» эти десять стихов заменяются одной короткой фразой: «Человек во всем от рождения свободен».

Следующие строфы, излагающие мысль о существовании нового закона свободного общества, помещаются целиком, так как они непосредственно завершают одну из центральных проблем «Путешествия». С 24 до 50 все строфы заменены пересказом: «таков есть закон природы: из мучительства рождается вольность, из вольности рабство» (31—39 строфы). И вот близится новая эра, когда «встречат заклепы тяжкой ночи». Автор покидает стих, он охвачен радостным трепетом, он заговаривает о грядущей борьбе угнетенных за вольность, выбирая для этого простые, мужественные слова, открывающие миру его будущее, используя стихи лишь как иллюстрацию своей смелой речи: «Упругая власть при издыхании представит стражу к слову и соберет все свои силы, дабы последним махом раздавить возникающую вольность. . .

но Человечество возревет в оковах и направляемое надеждою свободы и неистребимым природы правом, двинется. И власть при-

ведена будет в трепет. Тогда всех сил сложение, тогда тяжелая власть

Развеется в одно мгновенье.
О день избраннейший всех дней!

50

Мне слышится уж глас природы,
Начальный глас, глас божества.

Мрачная твердь позыбнулась, и вольность воссияла.

Здесь стихи всецело подчинены речи проповедника, верующего в наступление счастливой поры вольности. Этот пример лишний раз подтверждает, что ради композиционного единства книги Радищев не остановился даже перед уничтожением самостоятельности такого произведения, как ода «Вольность».

Итак — «Путешествие из Петербурга в Москву» представляет собой явление совершенно нового качества, глубоко отличное от «Путешествий» Стерна и Карамзина, как отлична их идеология от идеологии революционера-демократа Радищева. В своей книге Радищев, еще оставаясь в пределах сентиментализма, впервые сознательно провозгласил реалистический принцип изображения действительности.

«Путешествие из Петербурга в Москву» положило начало революционно-обличительной литературы. Впервые у Радищева народ был изображен с любовью и сочувствием, впервые была высказана вера в его творческие силы и в грядущую победу народной революции. Радищев ввел в литературу новый образ человека — бойца, убеждающегося в необходимости революции, показал внутренний мир героя, который проходит длинный путь идейного и нравственного обновления, обретая новое счастье и радость в жизни, находя идеал, ради которого стоило жить даже в стране угнетения и произвола; этот идеал — борьба. Поэтому, несмотря на то, что „Путешествие“ Радищева было запрещенной книгой, оно оказало огромное влияние на многих передовых писателей конца XVIII и начала XIX веков.